

Флеминг Ян

Собственность Леди

Был необыкновенно жаркий день в начале июня. Джеймс Бонд положил темно-серый меловой карандаш, которым маркировались грузы, направляемые в отдел 00, и снял пальто. Он не затруднил себя повесить его на спинку стула, не говоря уже, чтобы встать и надеть на вешалку, которую Мэри Гуднайт пристроила за свой собственный счет (проклятая баба) за зеленой дверью соседнего офиса. Он бросил его на пол.

Бонд ненавидел эти периоды безделья. Его глаза и его мозг практически бездействовали, когда он перелистывал страницы зубодробительной диссертации из Секции Научных Исследований об использовании русскими газа-цианида с помощью дешевого ручного детского водяного пистолета для покушений на убийство. Струя, как утверждалось, направленная в лицо, производила мгновенное действие. Это было рекомендовано для жертв двадцати пяти и старше лет, восходящих по лестнице или спускающихся вниз. Причиной смерти очевидно становится сердечный приступ.

Резкий звонок красного телефона, ворвавшийся в комнату, был так внезапен, что Джеймс Бонд, мысли которого блуждали где-то далеко, автоматически сунул руку к левой подмышке, готовясь к самозащите. Уголки его рта опустились, когда до него дошло, что звонил телефон. После второго звонка он поднял трубку.

- Сэр?

- Сэр.

Он встал со стула и подобрал пальто. Он одел его и привел в порядок свои мысли. Он задремал на своем стуле. Теперь его вызывали на ковер. Он прошел через комнату в соседний офис, устояв от соблазна потрепать по вызывающе золотистой шейке клюющую носом Мэри Гуднайт.

Он промычал ей, что идет к М., и вышел в застеленный ковром коридор. Сквозь жужжание и скрежет Отдела коммуникаций, с которым соседствовал его отдел, прошел к лифту и поднялся на восьмой этаж.

Лицо мисс Манипенни ничего не выражало. Обычно оно что-нибудь выражало, если она знала что-нибудь - тогда на нем возникало некоторое возбуждение, любопытство, или, если Бонду грозила неприятность, сочувствие или иногда негодование. Сейчас улыбка приветствия выражала лишь безразличие. Бонд решил, что его ожидает какая-то рутинная работа, скучища, и он соответственно так настроился, проходя сквозь эту судьбоносную дверь.

Там был посетитель - незнакомец. Он сел слева от М.. Тот бросил быстрый взгляд, когда Бонд вошел и занял свое обычное место за крытым красной кожей столом.

М. произнес коротко:

- Доктор Фэншейв, мне кажется вы не знакомы с командором Джеймсом Бондом из моего Департамента исследований.

Бонд привык к подобного рода эвфемизмам.

Он встал и протянул руку. Доктор Фэншейв поднялся, едва коснулся руки Бонда и быстро сел, как будто он притронулся к лапе ядовитой ящерицы Гила.

Он смотрел на Бонда оценивающе и принял его не более как за анатомический курьез. Было очевидно, что это был эксперт в своем роде человек, интересы которого заключались в изучении фактов, вещей, теорий но никак не человеческого существа. Бонду хотелось, чтобы М. кратко объяснил ему все и не прибежал бы к своим

хитроватым, почти по-детски негодным привычкам к сомнительным сюрпризам - пугать сотрудников "чертиком из коробочки".

Посетитель был среднего возраста, розоватый, упитанный, одет фатовато по неоздвардианской моде - отвернутые манжеты на темно-синем с четырьмя пуговицами пальто, жемчужная булавка в тяжелом шелковом галстуке, белоснежный воротничок, запонки, по форме напоминающие старинные монеты, пенсне на толстой черной ленточке. Бонд определил его как литератора, вероятно, критика, холостяка, возможно, с наклонностями гомосексуалиста.

М. сказал, что доктор Фэншейв является известным авторитетом по ювелирному антиквариату. Он так же, хоть это и конфиденциально, служит советником Таможни Ее Королевского Величества и разведывательных органов по такого рода вопросам.

- Его мне рекомендовали мои друзья из МИ-5. Это по поводу нашей мисс Фройденштейн.

Бонд поднял брови. Мария Фройденштейн была секретным агентом, работающим на советское КГБ в самом сердце Секретной службы. Она числилась по отделу связи, но была в особом закрытом секторе, созданном специально для нее и ее обязанность сводилась к работе с "Пурпурным шифром", который так же был создан специально для нее. Она отвечала за шифровку и отсылку шесть раз в день пространственных сообщений о "Текущих событиях" в адрес ЦРУ в Вашингтоне. Послания были продукцией Секции 100, которая отвечала за двойных агентов. "События" были изобретательной смесью действительных фактов, безобидных сведений, а иногда и настоящими перлами существенной дезинформации. Мэри Фройденштейн уже была известна как советский агент, когда ее оформляли в Секретную службу. Ей разрешили похитить ключ к "Пурпурному шифру" с тем, чтобы русские получили полный доступ к "Текущим событиям" - могли бы перехватывать и расшифровывать сообщения - и таким образом, когда понадобится, их можно было бы напичкивать фальшивыми сведениями.

Это была сверхсекретная операция, которую следовало проводить с особой тщательностью, но сейчас она осуществлялась без запинки уже три года. Если Мэри Фройденштейн и подбирала кое-что из разговоров в штабной столовой, это считалось неизбежным риском. Сама она была достаточно непривлекательной особой, и никто не испытывал беспокойства по поводу ее возможных связей.

М. обратился к доктору Фэншейву.

- Может быть вы возьмете на себя труд сообщить командору Бонду, о чем идет речь.

- Конечно, конечно, - доктор Фэншейв бросил быстрый взгляд на Бонда и опять отвел глаза. Он обращался к своим башмакам.

- Видите ли, дело обстоит так, г-н командор. Вы, несомненно, слышали о личности по имени Фаберже. Знаменитый русский ювелир.

- Тот, который делал пасхальные яйца для царя и царицы до революции.

- Это действительно было одной из его специальностей. Он сделал много других изумительных вещей, которые мы можем широко определить как предметы антиквариата. В настоящее время на аукционах лучшие экземпляры идут по баснословной цене - 50.000 фунтов и даже больше. А недавно в эту страну доставлен поистине самый изумительный предмет - так называемый "Изумрудный шар", работа высшего класса из всего известного до наших времен. О нем знали лишь по рисункам самого великого ювелира. Это сокровище прибыло заказной почтой из Парижа в адрес той женщины, о которой вы уже знаете, Марии Фройденштейн.

- Прекрасный маленький подарок. Могу я спросить, как вам довелось узнать об этом, доктор?

- Я, как вам уже сообщил ваш шеф, являюсь советником Таможни Ее Величества и Акцизного управления по вопросам, касающимся старинных

ювелирных и подобных им произведений искусства. Объявленная ценность посылки составляет 100.000 фунтов. Это не совсем обычно. Есть методы, при помощи которых можно незаметно произвести вскрытие. Посылку вскрыли - под ответственность Министерства внутренних дел, конечно, - и меня пригласили осмотреть содержимое и сделать его оценку. Я сразу же узнал "Изумрудный шар" по описанию и рисунку, приведенным в каталоге работ Фаберже, выпущенном г-ном Кеннетом Сноуменом. Я сказал, что объявленная цена может быть всего лишь минимальной. Но что, как я обнаружил, представляло особый интерес, так это сопроводительный документ, который на русском и французском языках говорил о происхождении этого бесценного предмета. Доктор Фэншейв сделал жест рукой в сторону фотокопии, лежавшей на письменном столе перед самим М., которая оказалась краткой семейной родословной.

- Это копия, которую я сделал. Коротко она говорит о том, что "шар" был приобретен дедом мисс Фройденштейн прямо на фабрике Фаберже в 1917 году нет сомнения, это было средством превратить рубли в нечто легко перевозимое и представляющее большую ценность. После его смерти в 1918 году предмет перешел к его брату и затем в 1950 году к матери мисс Фройденштейн. Она, по-видимому, покинула Россию ребенком и жила среди русских эмигрантских кругов в Париже. Она никогда не была замужем, но родила незаконно эту девушку Марию. Кажется, она умерла в прошлом году, и кто-то из друзей или душеприказчиков (сопроводительная бумага не подписана) теперь препроводил "шар" его законному владельцу, мисс Марии Фройденштейн.

У меня не было причин расспрашивать саму девицу, хотя, как вы можете предположить, я имею для этого особый интерес, поскольку в прошлом месяце аукционер Сотсби объявил, что они поставят предмет, поименованный им как "Собственность леди", на продажу через неделю, считая сегодняшний день. От имени Британского музея и, простите, других заинтересованных сторон, я сделал осторожные расспросы и встретился с леди, которая совершенно спокойно подтвердила довольно странную историю, содержащуюся в описании. Это тогда я узнал, что она работает в Министерстве обороны, и мой довольно подозрительный ум был поражен тем обстоятельством, что может, по крайней мере, показаться странным - мелкий клерк, занятый выполнением деликатных обязанностей, внезапно получает из-за границы подарок, ценностью в 100.000 фунтов и даже больше. Я поговорил с одним высшим лицом в МИ-5, с которым у меня был контакт по работе в Таможне Ее Величества, и меня соответствующим образом направили в этот, простите, департамент. - Доктор Фэншейв развел руками и удостоил Бонда быстрым взглядом. - Вот и все, командор, что я могу вам сказать.

М. вступил в разговор:

- Благодарю вас, доктор. Только два или три последних вопроса, и я вас больше не задержу. Вы обследовали этот "Изумрудный шар" и вы считаете, что это подлинник?

Доктор Фэншейв перестал созерцать свои башмаки. Оторвавшись от них, он заговорил куда-то в пространство, находящееся чуть выше левого плеча г-на М.

- Конечно, и о том же свидетельствует г-н Сноумен из фирмы "Вартский", являющийся крупнейшим в мире экспертом и торговцем во всем, что касается Фаберже. Это несомненно утерянный шедевр, о котором хранился лишь набросок самого Карла Фаберже.

- А по поводу его происхождения? Что эксперты говорят об этом?

- Все соответствует. Все величайшие произведения Фаберже приобретались почти всегда по частным каналам. Мисс Фройденштейн говорит, что ее бабушка была очень богата до революции - она занималась производством фарфора. Девяносто девять процентов всего, что делал Фаберже, оказывалось за границей. В Кремле

осталось лишь немного экземпляров - их зарегистрировали просто как "Дореволюционные образцы русского ювелирного искусства", Официальное отношение советских властей сводилось всегда к "тому что это были просто капиталистические безделушки. Официально они пренебрегали ими, как пренебрегали и превосходным собранием французских импрессионистов.

- Но все же Советы сохранили некоторые экземпляры работ этого человека Фаберже. Могло ли быть, что эта изумрудная штука лежала в тайне где-нибудь в Кремле в течение всех этих лет?

- Конечно. Кремлевские сокровища непомерны. Никто не знает, сколько там они прячут. Только совсем недавно они выставили на обозрение то, что хотели выставить.

М. затыкнулся трубкой. Его глаза сквозь завесу дыма казались спокойными и малоинтересованными.

- Так что теоретически нет причин считать, что этот "Изумрудный шар" не мог бы быть извлечен из кремлевских хранилищ, снабжен фальшивым описанием, устанавливающим его владельцев, и переправлен за границу с целью вознаграждения какого-либо друга России за оказанные услуги?

- Ни в коем случае нет. Это был бы остроумный способ щедро вознаградить соответствующее лицо без опасений, связанных с переводом крупных сумм на ее или на его счет в банке.

- Но окончательное денежное вознаграждение будет, конечно, зависеть от суммы, реализованной за продажу предмета - аукционной цены, например.

- Так точно.

- И сколько по вашей экспертной оценке этот предмет потянет у Сотсби?

- Невозможно сказать. Вартский, безусловно, пойдет очень далеко. Но, конечно, они не намерены говорить кому-либо насколько далеко - будут ли они покупать для себя "в запас" или действовать от имени клиента. Многое будет зависеть, какую ставку определит для них тот, от имени которого они будут действовать. Во всяком случае сумма будет не меньше, чем 100.000 фунтов, я считаю.

- Гм. - Рот у М. скривился в гримасе. - Дорогая ювелирная штучка.

Доктор Фэншейв был ошеломлен этой откровенной демонстрацией невежества. Он пристально смотрел М. прямо в глаза.

- Мои дорогой сэр, - проговорил он с ноткой сочувствия. - Вы считаете, что Гойя, проданный у Сотсби за 140.000 фунтов и переданный Национальной галерее, является всего лишь, как вы изволили заметить, дорогим куском холста и красок?

М. примирительно произнес:

- Простите меня, доктор Фэншейв. Я несколько неуклюже выразился. У меня никогда не было свободного времени интересоваться предметами искусства, ни денег приобретать их на мое жалованье морского офицера. Я просто засвидетельствовал свое недоумение по поводу бешеных цен на аукционе в теперешнее время.

- Вы имеете право иметь свое суждение, сударь, - произнес холодно доктор Фэншейв.

Бонд подумал, что пора спасать М. Ему так же хотелось выдворить доктора Фэншейва из комнаты с тем, чтобы они могли заняться профессиональными аспектами этого непростого дела. Он встал и сказал, обращаясь к М.:

- Ну, и так, сэр, я не думаю, что есть еще что-либо, что я хотел бы знать. Нет сомнения, что все это окажется совершенно честным (черта с два, если это так!) и законным делом для одного из ваших сотрудников стать очень счастливой женщиной. Но доктор Фэншейв был очень любезен, и он перенес столько беспокойства! - Он повернулся к доктору Фэншейву. - Вы не хотели бы воспользоваться нашей служебной машиной, которая доставит вас, куда вам нужно?

- Нет, благодарю вас, большое спасибо. Мне будет приятно пройти через парк.

Последовали рукопожатия, последние слова прощания, и Бонд проводил доктора за дверь. Затем он вернулся. М. взял из стола пухлую папку, проштемпелеванную знаком высшей секретности - красной звездой, и готов был в нее погрузиться. Бонд сел на то же место и стал ждать. В комнате царила тишина, нарушаемая легким шорохом бумаг. И это шуршание прекратилось, когда М. достал особый лист голубого картона, использовавшегося для конфиденциальных штабных рапортов, и внимательно начал читать эту тесно исписанную с обеих сторон бумагу.

Наконец, он сунул ее обратно в папку и посмотрел на Бонда.

- Так, - сказал он, и его голубые глаза светились явным интересом. Все это годится. Девица родилась в Париже в 1935 году. Мать принимала активное участие в движении Сопротивления во время войны. Помогала в работе по поддержанию "дороги беженцев Тюльпан". После войны дочь училась в Сорбонне и затем получила место в нашем посольстве в ведомстве морского атташе в качестве переводчицы. Остальное вы знаете. Ее скомпрометировали было какое-то некрасивое дело на сексуальной почве - замешан кто-то из старых друзей матери по Сопротивлению, который к тому времени работал на НКВД, и с тех пор она была под наблюдением. Она обратилась, безусловно, по заданию с просьбой о предоставлении британского гражданства. Ее рекомендации из посольства и отзывы о работе матери в Сопротивлении помогли ей получить гражданство в 1959 году, и тогда нам ее рекомендовали из Министерства иностранных дел. Но именно там она сделала свою большую ошибку. Она попросила отпуск на год до того, как пришла к нам, а потом нас информировали из группы Хатчинсона в Ленинграде, что она находится в шпионской школе. Там она, предположительно, получила обычную подготовку, и нам пришлось думать, что с ней делать.

Сектор 100 разработал операцию "Пурпурный шифр", а остальное вы знаете. Она работала в течение трех лет в штабе для КГБ, и теперь получает свое вознаграждение - "Изумрудный шар", стоимостью в 100.000 фунтов. А это важно по двум причинам. Прежде всего это значит, что КГБ прочно сидит на крючке благодаря "Пурпурному шифру", иначе они не стали бы одаривать ее таким баснословным подарком. Это хорошая новость. Это значит, что у нас есть возможность подлить масла в огонь, когда мы передаем туда материалы продвинуть в третью графу нашу дезинформацию, а возможно даже и во вторую. Во-вторых, это объясняет что-то из того, что не поддавалось раньше нашему пониманию - то, что эта девица до сих пор никогда не получала какой-либо платы за свою службу. Нас это беспокоило. У нее были счета у Глина и Миллса, где значились только полученные чеки за ежемесячное жалованье в 50 фунтов. И она жила только на это. Теперь она получает плату большим куском при помощи этой безделушки, о которой мы узнали. Все очень удовлетворительно.

- Мы ни разу не засекали, кто ее контролирует, сэр? Как она получает задания?

- Да это и не требуется, - произнес М. раздраженно, занимаясь своей трубкой.

- Раз она зацепилась за "Пурпурный шифр" все, что ей нужно, это держаться за свою работу. А, наплевать на это, парень! Она выплескивает эту чепуху им в руки шесть раз в день. Какие инструкции могут они давать? Я сомневаюсь, что сотрудники КГБ в Лондоне даже знают о ее существовании может быть глава Резидентуры знает, но, как вам известно, мы даже не имеем представления, кто он. Дайте мне возможность его обнаружить.

Бонда внезапно осенило. Как будто камера заработала в мозгу и засняла кусок отчетливого фильма:

- Может быть этот аукцион у Сотсби поможет нам высветить его, покажет нам, кто это.

- О чем ты мелешь, черт побери, 007? Объясни.

- Хорошо, сэр, - голос Бонда звучал спокойно и уверенно.

- Вы помните, что сказал доктор Фэншейв по поводу той темной лошади того, кто использует этого дельца Вартскот, чтобы тот шел до их последней цены. Если русские как кажется, не хотят знать и не особенно беспокоятся о Фаберже, как утверждает доктор Фэншейв, у них, возможно нет полной ясности, сколько эта вещь стоит на самом деле. Во всяком случае, не похоже, чтобы в КГБ знали что-либо об этих делах. Они могут оценивать сам изумруд по рыночной стоимости - скажем, десять или двадцать тысяч фунтов. Эта сумма имеет больше смысла, чем то состояние, которое ей уготовано, если доктор Фэншейв окажется прав. Так что, если глава Резидентуры является единственным человеком, который знает о существовании этой девицы, он единственный, кто знает, что она получает свою плату. Так что он и есть эта темная лошадь. Его пошлют к Сотсби и ему будет поручено взвинчивать цену до потолка. Я уверен в этом. Таким образом, мы можем его идентифицировать, и у нас будут достаточные доказательства, чтобы отправить его домой. Он сам не будет знать, откуда получил удар. Так же и в КГБ. Если мы отправимся на аукцион и выследим его и если добудем фотографии, мы можем заставить Министерство иностранных дел объявить его персоной нон грата в течение недели. Никто из руководителей Резидентуры не вырастал на деревьях. Пройдут месяцы, прежде чем КГБ подыщет ему замену.

М. произнес задумчиво:

- Может быть ты кое-что и нащупал, - он крутанулся в своем кресле и уставился сквозь большое окно на неровный горизонт Лондона. Наконец, он сказал через плечо: - Ну; хорошо, 007. Отправляйся к начальнику штаба и раскручивай машину. Я утрясу все с Пятеркой Это их афера, но наша птичка. Неприятностей не будет. Но сам держись и не вовлекайся в свару за эту безделицу. У меня нет лишних денег на это.

Бонд ответил:

- О, нет, сэр. - Он встал и быстро вышел из комнаты. Он думал, что он поступил очень умно, и ему хотелось посмотреть, так ли это на деле. Он не хотел, чтобы М. передумал.

У Вартского был офис со скромным, но ультрамодным фасадом на Риджент-стрит, 138. Оконная витрина с умеренной экспозицией современных и антикварных ювелирных изделий, даже намеком не свидетельствовала о том, что хозяин был величайшим в мире торговцем изделиями Фаберже. Интерьер серый ковер, стены, отделанные древесиной сикомора, несколько непрезентабельных витрин - все это было не похоже на восхитительные залы Картье, Бутеро или Ван Клифа, но ряд обрамленных рамками высочайших рекомендаций от королевы Мэри, королевы-матери самой королевы, короля Павла Греческого и, как ни странно, от короля Дании Фредерика IX, свидетельствовали о том, что это был не простой ювелир.

Джеймс Бонд справился о г-не Кеннете Сноумене. Приятной наружности и хорошо одетый мужчина лет сорока отделился от группы людей, склонивших свои головы над чем-то в глубине комнаты, и подошел к Бонду.

Бонд спокойно представился:

- Я из Разведывательного правления. Мы можем поговорить? Может быть вы сперва проверите мои полномочия. Меня зовут Джеймс Бонд. Но вам придется обратиться непосредственно к сэру Рональду Валленсу или его заместителю. Я непосредственно не служу в Скотланд-ярде. Что-то вроде сотрудничества с ними.

Умные наблюдательные глаза, казалось, даже не взглянули на него. Человек улыбнулся.

- Пройдем вниз. Поговорим с некоторыми американскими друзьями - в некотором роде наши корреспонденты. Из "Старой России" на Пятой авеню.

- Я знаю это место, - сказал Бонд. - Оно полно богато украшенных икон и всего

прочего. Неподалеку от Пьера.

- Совершенно верно, - г-н Сноумен, казалось, проникся еще большим доверием. Он пошел вперед и вниз по узкой, застеленной толстым ковром, лестнице в просторную, сверкающую огнями выставочную комнату, которая вполне, очевидно, и была истинным хранилищем ценностей. Золото и алмазы, шлифованные драгоценные камни сверкали из ярко освещенных витрин, установленных вдоль стен.

- Присаживайтесь. Хотите сигарету?

Бонд закурил собственную.

- Я по поводу этого изделия Фаберже, которое пойдет у Сотсби завтра - я имею в виду этот "Изумрудный шар".

- А, понимаю, - четкая бровь г-на Сноумена напряженно нахмурилась. Надеюсь, никаких затруднений?

- Нет, если говорить о ваших интересах. Но нас интересует сама распродажа. Мы знаем о владельце, мисс Фройденштейн. Мы думаем, что, может быть, предпринята попытка взвинтить цену искусственно. Нас интересует тот, с чьей подачи все это будет происходить, - полагая, так сказать, что ваша фирма будет играть ведущую роль.

- Так, это верно, - сказал Сноумен с налетом осторожной откровенности. - Мы, конечно, собираемся заполучить его. Но вещь будет продана за огромную сумму. Между нами, мы уверены, что два известных дельца сделают попытку, а возможно и Метрополитен. Но вас интересует какой-то сомнительный субъект? Если так, можете не беспокоиться. Это не их класс.

Бонд ответил:

- Нет, мы не гоняемся за такими лицами.

Он не знал, как далеко он может зайти с этим человеком. Люди очень заботятся о сохранении секретов собственного бизнеса, но это не значит, что они будут проявлять осторожность по части ваших.

Бонд посмотрел г-ну Сноумену многозначительно в глаза.

- Вы сможете оказать мне помощь?

- Конечно. Если вы скажете мне, как я могу это сделать. - Он покачал рукой в воздухе. - Если вас беспокоит, чтобы все оставалось в тайне, можете не тревожиться. Ювелиры привыкли к тайнам. Скотланд-ярд даст, вероятно, моей фирме наилучшую рекомендацию в этом отношении. Небо знает, сколько у нас с ними было дел за многие годы.

- А если я скажу вам, что я из Министерства обороны?

- Все то же самое, - сказал г-н Сноумен. - Вы, естественно, можете вполне положиться на нашу осторожность!

Бонд принял решение:

- Хорошо, Все это подпадает под действие Закона об официальных секретных, чтобы вы знали. Мы подозреваем, что тот, кто будет выполнять роль темной лошади, это, к вашему сведению, будет советский агент. Моя задача заключается в том, чтобы установить его личность. Боюсь, что больше ничего не могу сообщить. Но вам ничего больше и не нужно знать. Все, что я хочу, это пойти с вами на аукцион завтра вечером, чтобы вы помогли мне выследить этого человека. Медалей, я полагаю, не будет, но мы будем чрезвычайно благодарны.

Глаза г-на Кеннета Сноумена засверкали от возбуждения.

- Конечно, будем очень рады оказать вам любую помощь. Но... - на лице промелькнуло сомнение. - Вы знаете, все дело обстоит не так просто. Питер Вильсон, глава фирмы Сотсби, который будет вести распродажу, будет единственным человеком, который может знать об этом наверняка, если клиент пожелает остаться в тайне. Имеется дюжина способов участвовать в аукционе, не подавая никаких заметных сигналов. Но если этот человек обговорит свой метод, свой секретный код,

так сказать, с г-ном Питером Вильсоном до распродажи, Питер и не подумает выдавать этот код кому-либо. Это значило бы раскрыть игру участника - дать знать, до какого предела он идет. А это одна из самых сокровенных тайн, как вы можете судить, в залах аукциона. И тысячу раз вам будет отказ, если вы придете со мной. Я, вероятно, буду определять эту гонку на аукционе.

Я уже знаю, как далеко могу зайти - кстати, я работаю для клиента. Но моя работа стала бы значительно проще, если бы я мог сказать, как далеко собирается пойти мой соперник. Фактически, то, что вы сказали мне, уже для меня большая помощь. Я предупрежу своего человека поднять планку еще выше. Если этот ваш человек обладает крепкими нервами, он может загнать меня поистине в угол. К тому же там будут и другие участники, безусловно. Похоже, все идет к тому, что будет тяжелый денек. Все будет транслироваться по телевизору, а пригласив миллионеров, герцогов и герцогинь на это подобие гала-спектакля, Сотсби сделали правильный ход. Отличное паблисити, конечно. Клянусь Юпитером, если бы они знали, что в распродажу будут замешаны сотрудники ведомства плаща и кинжала, было бы настоящее столпотворение! Ну, теперь скажите, нужно ли вам еще что-нибудь! Всего лишь определить этого человека и все?

- Это все. А за сколько эта штука может пойти, по вашему мнению?

Г-н Сноумен поболтал золотым карандашом в зубах.

- Ну, видите ли вот здесь я должен держать язык за губами. Я знаю как далеко я пойду, но это секрет моего клиента. - Он помолчал в задумчивости. - Скажу так; если предмет пойдет менее, чем за 100.000 фунтов, мы будем удивлены.

- Понимаю, - сказал Бонд. - Теперь, как я попаду на распродажу?

Г-н Сноумен достал элегантную крокодиловой кожи записную книжечку и вынул два пропуска. Один он протянул Бонду.

- Это моей жены пропуск. Я достану ей взамен того, что отдал вам, потом, где-нибудь в помещении, Б-5 - хорошее место впереди в центре. Мое Б-6.

Бонд взял билет. На нем значилось:

Сотсби энд Ко - Продажа

Набора замечательных ювелирных изделий, а также

Уникального предмета старины Карла Фаберже

Собственность Леди

Пропуск на одного человека в Главный Зал

Вторник, 20 июня ровно в 9:30.

ВХОД СО СТОРОНЫ УЛИЦЫ СЕЙНТ ДЖОРДЖ

- Это не тот старый вход со стороны Бонд-стрит, - заметил г-н Сноумен, - они убрали навес и красный ковер от задних дверей после того, как Бонд-стрит стала с односторонним движением. Ну теперь... - он поднялся со стула. - Вы не хотели бы взглянуть на некоторые вещишки Фаберже? У нас есть кое-что. Мой отец купил это у Кремля что-то в 1927 году. Это даст вам некоторое представление из-за чего шум идет, хотя, конечно, "Изумрудный шар" несравненно тоньше, чем все то, что я вам могу показать из работ мастера, кроме императорских пасхальных яиц.

Позднее, ошеломленный сверканием бриллиантов, золота, шелковистого сияния полупрозрачных эмалей, Джеймс Бонд поднимался вверх из пещер Алладина, находящихся под Риджент-стрит, и отправился проводить остаток дня в тусклых офисах поблизости от Уайт-холла. Он отчаянно пытался сообразить, как в столь короткий срок устроить все приготовления для опознания и фотографирования в тесном помещении человека, у которого еще нет пока определенного лица и имени, но который, безусловно, является главным советским шпионом в Лондоне.

В течение следующего дня Бонд находился как в лихорадке. Он нашел предлог, чтобы зайти в Отдел Коммуникаций, забрел в маленькую комнатку, где мисс Мария Фройденштейн и две помощницы работали у шифровальной машины, через которую

отсылались сообщения по линии "Пурпурного шифра". Он взял последнюю папку - у него был свободный доступ к большинству материалов в штабе. Он пробежал глазами тщательно отредактированные параграфы материалов, которые будут наколоты на крючок не читанными каким-нибудь низшим чином ЦРУ в Вашингтоне, а в Москве будут с почтением вручены сотруднику КГБ высокого ранга. Бонд обменялся шутками с двумя девушками, младшими клерками. Но Мария Фройденштейн лишь подняла глаза от машины и подарила ему вежливую улыбку. Бонда пронизала минутная дрожь от такой близости к предательству, к этой темной смертельной тайне, запертой в ее душе, за этой просторной белой блузкой.

Бонд отправился по коридору к себе. Сегодня вечером у этой девицы будет целое состояние - получит свои тридцать сребреников, помноженными на тысячи. Может быть деньги изменят ее характер, принесут ей счастье. Она сможет воспользоваться услугами лучших косметологов, одеваться в лучшие наряды, иметь прекрасную квартиру. Но М. сказал, что теперь он собирается подпустить побольше жару в операцию "Пурпурный шифр", выйти на более рискованный уровень дезинформации. Это будет сложная работа. Один неверный шаг, одна небрежная ложь, одна установленная фальшивка в донесениях - и КГБ учует липу. Больше того, они узнают, что их водили за нос, водили самым бессовестным образом в течение трех лет. Такое постыдное открытие чревато быстрыми ответными контрмерами. Тогда они могут предполагать, что Мария Фройденштейн была двойным агентом - работала и на англичан, и на русских. Она будет неизбежно и быстро ликвидирована - возможно, при помощи цианидного пистолета, о котором Бонд читал лишь день назад.

Джеймс Бонд, глядя из окна на деревья в Риджент-парке, пожал плечами. Слава Богу, это дело его не касается. Судьба девицы была не в его руках. Ее затянула мрачная машина шпионажа, и для нее будет счастьем, если она проживет достаточное время, чтобы истратить десятую часть того состояния, которое она должна получить через несколько часов в зале аукциона.

Целый ряд автомашин и такси позади здания Сотсби блокировал путь по Джордж-стрит. Бонд заплатил шоферу и присоединился к толпе людей, продвигавшихся под навесом к лестнице. Ему вручили каталог и служащий в форме проверил его билет. По широкой лестнице среди блестящей возбужденной публики он прошел через галерею и вступил в зал главного аукциона, который был уже заполнен. Он нашел свое место рядом с местом г-на Сноумена, который писал какие-то цифры на лежащем на его колене блокноте и все время оглядывался по сторонам.

Высокий зал был размером примерно с теннисный корт. Он сохранил вид и даже аромат прежних времен, и две большие люстры, соответствующие той эпохе, изливали теплый свет сверху. Яркие лампы сверкали и по периметру сводчатого потолка, застекленный купол которого был все еще частично задернут занавесями против солнца, которое жарило здесь во время послеобеденной распродажи. Разнообразные картины и гобелены были развешаны по оливково-зеленым стенам, и множество телевизионных и других камер (среди них фотографа из МИ-5 с пропуском для прессы от "Санди таймс") вместе со своими владельцами сгрудились на платформе, установленной посередине на ковре, изображавшем сцену охоты. Около сотни дельцов и зрителей разместились на маленьких приставных стульях. Все внимание было сосредоточено на стройной лощеной фигуре аукционера, спокойно объявляющего с деревянной приподнятой кафедры о торгах. Он был одет в безупречный вечерний костюм с красной гвоздикой в петлице. Он говорил ровным голосом и не жестикулировал руками.

- Пятнадцать тысяч фунтов. Шестнадцать... - Следовала пауза, взгляд на кого-то в переднем ряду. - Против вас, сэр. - Шуршание поднятого каталога. - Семнадцать

тысяч фунтов. Восемнадцать. Деятнадцать. Предложено двадцать тысяч.

И так ровный голос продолжал объявлять не спеша, а внизу столь же бесстрастные участники сигнализировали ему о своих ставках.

- Что он продает? - спросил Бонд, открывая каталог.

- Номер 40, - ответил Сноумен. - То бриллиантовое ожерелье, которое слугитель держит на черном бархатном подносе. Оно пойдет, вероятно, за двадцать пять. Итальянец борется с двумя французами. Иначе они получили бы его за двадцать. Я шел только до пятнадцати. Хотелось бы его получить. Чудесные камни. Но уже все кончено.

И верно, остановились на двадцати пяти тысячах, и молоток, который аукционер держал не за ручку, а за переднюю часть, опустился с мягкой решительностью.

- Ваше, сэр, - сказал Питер Вильсон, и служащий поспешил по проходу к покупателю, чтобы подтвердить его личность.

- Я разочарован, - сказал Бонд.

Г-н Сноумен оторвался от каталога:

- Что так?

- Я никогда не был на аукционах до этого, и я всегда думал, что аукционер должен стукнуть три раза молотком и сказать "продается, продается, продано" с тем, чтобы дать другому покупателю последний шанс.

Г-н Сноумен рассмеялся:

- Вы можете встретить это в провинции или в Ирландии, но этого правила уже давно нет на аукционах в Лондоне, я не видел этого с тех пор, как бываю здесь.

- Жалко. Это добавило бы страстей.

- Ну, их у вас будет вполне достаточно ровно через минуту. Это последний спектакль, прежде чем начнется главное.

Один из слугителей благоговейно разместил блестящую грудку рубинов и алмазов на черном бархатном подносе. Бонд посмотрел в каталог. Номер 41. Сладкозвучная проза описывала все это так:

Пара изящных и солидных рубиновых и бриллиантовых браслетов. Передняя часть каждого выполнена в форме овальной грозди, состоящей из одного большого и двух поменьше рубинов, обрамленных бриллиантами в форме подушечек. Боковые и задняя часть образуют более простые грозди, перемежающиеся с бриллиантовыми ажурными завитками, возникающими из середины рубинового камня, как бусины, окаймленные золотом и продернутые между цепочками из рубинов и бриллиантов вперемежку, пряжка так же в форме овальной грозди.

По семейной традиции, этот предмет продажи был прежде собственностью миссис Фитцгерберт (1756-1837), чье замужество за принцем Уэльским, впоследствии Георгом IV, было вполне установлено, когда в 1905 пакет, запечатанный и переданный на хранение в Коуттс банк в 1833, был вскрыт, с королевского разрешения, и в нем было обнаружено свидетельство о венчании и другие окончательные доказательства.

Эти браслеты были, вероятно, подарены миссис Фитцгерберт своей племяннице, которую герцог Орлеанский назвал "самой хорошенькой девушкой Англии".

Аукцион продолжался, а Бонд выскользнул из своего кресла и прошел по боковому проходу в заднюю часть зала, откуда излишек публики перебрался в Новую галерею и в вестибюль, чтобы следить за распродажей по телевизору. Он бегло осмотрел толпу, выискивая кого-нибудь из 200 сотрудников Советского посольства, фотографии которых, полученные тайно, он изучал в течение последних нескольких дней. Но среди посетителей, которых невозможно было даже как-то рассортировать, были и дельцы, и коллекционеры, и те, кого можно широко охарактеризовать как богатых любителей острых ощущений. Но не было ни одного знакомого лица, кроме тех, кто пишет в газетных колонках о сплетнях. Одна или две физиономии могли

сойти за русских, но таким же образом они могли принадлежать к полудюжине других европейских национальностей. Попадались субъекты в черных очках, но черные очки больше не могли обязательно считаться принадлежностью шпиона. Бонд вернулся на свое место. Надо полагать, что человек должен будет выдать сам себя, когда начнется торг.

- Четырнадцать тысяч, последняя цена! И пятнадцать. Пятнадцать тысяч. Молоток опустился. - Ваше, сэр.

Последовал опять возбужденный шум и шуршание каталогов. Г-н Сноумен вытер лоб белым шелковым платком. Он повернулся к Бонду.

- Ну, а теперь, боюсь, вы будете предоставлены, более или менее, самому себе. Мое внимание будет приковано к торгу. Как-то, по непонятной причине, считается неприличным оглядываться через плечо и подсматривать за тем, кто борется против вас, если вы, конечно, сами ведете торг. Так что я могу определить вашего человека лишь в том случае, если он находится где-то впереди, а это, боюсь, не похоже, чтобы было. Но правило касается только тех, кто участвует в торге. Вы не можете вертеться, как вам вздумается. Что вы должны будете делать, так это следить за глазами Питера Вильсона и затем определить, на кого он смотрит или кто смотрит на него.

Если вы выследите человека, что, может быть, очень затруднительно, старайтесь обратить внимание на движения, которые он делает, даже мельчайшие. Что бы человек ни делал - почесывал голову, тянул себя за мочку уха, или еще что-нибудь, это может быть кодом, о котором он договорился заранее с Питером Вильсоном. Мне кажется, он не станет делать что-то слишком заметное - вроде того, что поднимать каталог. До вас доходит, что я говорю? И не забывайте, что он вообще может не делать никаких знаков до самого конца, когда он заставит выступить меня и повести до тех пределов, до каких, как он думает, я могу пойти. А после этого он отвалится. Заметьте, - г-н Сноумен улыбнулся, - когда мы вступим в последнюю фазу, я постараюсь его расшевелить, чтобы он показал свою лапу. Это при условии, конечно, что в торге нас останется двое. - Он принял опять непроницаемый вид. - А я могу заверить, что так оно и будет.

Судя по его твердой уверенности, Джеймс Бонд решил, что г-н Сноумен имеет инструкции заполучить "Изумрудный шар" за любую цену.

Внезапное молчание наступило, когда высокий пьедестал, задрапированный черным бархатом, был внесен в зал с особой церемонией и установлен перед кафедрой аукционера. Затем овальный красивый футляр, обитый чем-то, что выглядело как белый бархат, был водружен на вершину пьедестала и старший надзиратель в серой униформе с винно-красными рукавами, воротничком и хлястиком с поклоном отпер его и, вынув "Номер 42", положив его на черный бархат, убрал футляр. Крупный шар из полированного изумруда на своем замечательном стенде сиял сверхъестественным зеленым светом, и драгоценные камни на его поверхности и на опаловом меридиане мерцали разноцветными огнями. Пронесся вздох восхищения по залу, и даже служащие и эксперты, сидящие за высоким расчетным столом позади аукционера и привыкшие к виду коронных драгоценностей всех стран Европы, проходивших перед их глазами, склонились вперед, чтобы лучше видеть.

Джеймс Бонд вернулся к каталогу. Он нашел описание. Большими буквами и высокопарным, витиевато-слащавым стилем извещалось:

ЗЕМНОЙ ШАР

СООРУЖЕН В 1917 ГОДУ

КАРЛОМ ФАБЕРЖЕ ДЛЯ РУССКОГО ДЖЕНТЛЬМЕНА,

НЫНЕ СОБСТВЕННОСТЬ ЕГО ВНУЧКИ ПОД N 42

ЧРЕЗВЫЧАЙНО ОБСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

ЗЕМНОЙ ШАР ФАБЕРЖЕ

Шар, вырезанный из необычно крупного, добытого в Сибири, куска изумрудной породы, весящий примерно тысячу триста каратов высшего качества по цвету и прозрачности, изображает земную сферу, установленную на тонкой работы изящной ажурной скале, украшенной золотой гравировкой и усеянной обильно розовыми бриллиантами и изумрудами яркого оттенка, и являющейся основанием для настольных часов.

Идея создания этого замечательного произведения пришла Фаберже еще за пятнадцать лет до ее завершения, о чем свидетельствует миниатюрный земной глобус, который входит в королевскую коллекцию в Сандринхэме (См. лист 280 в "Искусство Карла Фаберже", А.Кеннет Сноумен.).

После краткого и выискивающего взгляда в зал г-н Вильсон мягко ударил своим молотком:

- Номер 42, произведение искусства, исполненное Карлом Фаберже. Последовала пауза. - Двадцать тысяч фунтов цена.

Г-н Сноумен шепнул Бонду:

- Это значит, что у него уже есть, кто дает пятьдесят. Это чтобы просто раскрутить все.

Каталоги шелестели.

- И тридцать, сорок, пятьдесят тысяч, мне предложено. И шестьдесят, и семьдесят, и восемьдесят тысяч. И девяносто.

Следует пауза, а затем:

- Сто тысяч фунтов предложено.

В зале послышался шум аплодисментов.

Камеры повернулись к молодому человеку, одному из трех, кто находился на приподнятой платформе слева от аукционера. Он тихо говорил по телефону. Г-н Сноумен прокомментировал:

- Это один из молодых людей Сотсби. У него прямая линия с Америкой. Мне кажется, это уже Метрополитен вступает в торг, но, впрочем, это может быть кто угодно. Вот теперь мое время приступить к работе.

Г-н Сноумен поднял свой скрученный каталог.

- Плюс десять, - произнес аукционер. Человек продолжал говорить по телефону, но кивнул головой.

- И двадцать.

Снова жест Сноумена.

- И тридцать.

Человек у телефона, казалось, заговорил еще быстрее в трубку - сообщая, по-видимому, насколько может подскочить цена. Он слегка качнул головой в сторону аукционера, и Питер Вильсон, отвернувшись от него, оглядев зал.

- Предложена одна сотня и тридцать тысяч фунтов, - повторил он спокойно.

Г-н Сноумен тихо сказал Бонду:

- Теперь вы смотрите в оба, Америка, кажется, выбыла. Настало время вашему субъекту загонять меня.

Джеймс Бонд оставил свое кресло и встал среди группы репортеров в левом углу от кафедры. Глаза Питера Вильсона были устремлены в дальний правый угол зала. Бонд не заметил никаких движений, но аукционер возвестил:

- Плюс сорок тысяч фунтов. - Он посмотрел на г-на Сноумена. После длительной паузы г-н Сноумен поднял пять пальцев. Бонд догадался, что это было частью его игры на подогревание страстей. Он давал понять, что отступает, что подходит к своему пределу.

- Одна сотня и сорок пять тысяч, - снова испытующий взгляд в глубину зала. Снова никакого движения. Но опять состоялся обмен сигналами.

- Одна сотня и сто пятьдесят тысяч фунтов.

Последовал гул комментариев и некоторые отрывочные хлопки. На этот раз г-н Сноумен реагировал еще замедленнее, и аукционер дважды повторил последнюю цифру. Наконец, он в упор взглянул на г-на Сноумена:

- Ваше слово, сэр.

Наконец г-н Сноумен поднял пять пальцев.

- Одна сотня и пятьдесят пять тысяч фунтов.

У Джеймса Бонда спина покрылась потом. Он абсолютно ничего не имел, а торг уже должен заканчиваться. Аукционер повторил цифру.

И теперь произошло едва заметное шевеление. В задней части зала коренастый человек в темном костюме привстал и тихо снял темные очки. У него было обычное простое лицо, которое могло принадлежать управляющему банком, работнику страховой компании Ллойда или доктору. Это должно быть был заранее условленный сигнал. До тех пор, пока на нем были черные очки, аукционер поднимал ставку десятками тысяч. Когда он их снял, это означало, что он выходит из игры.

Бонд быстро взглянул в сторону группы корреспондентов. Все в порядке, фотограф из МИ-5 был на своем месте. Он так же засек движение. Он поднял небрежно камеру, последовала быстрая вспышка. Бонд вернулся на свое место и прошептал г-ну Сноумену:

- Засекли его. Увижусь с вами завтра. Большое спасибо.

Г-н Сноумен только кивнул. Его глаза оставались прикованными к аукционисту.

Бонд выбрался со своего кресла и быстро направился вдоль прохода, а аукционист в это время в третий раз объявил:

- Одна сотня и пятьдесят пять тысяч фунтов, последняя цена, - и легонько стукнул молотком. - Ваше, сэр.

Бонд пробрался в конец зала прежде, чем посетители, аплодируя, поднялись с кресел. Его дичь забила где-то среди приставных стульев. Он снова надел свои темные очки, а Бонд надел свои. Он хотел протиснуться в толпу и двигаться позади этого человека, когда поток устремится вниз по лестнице. Это удалось. Волосы человека сзади были длинными, они прикрывали квадратную шею. Мочки ушей прижаты к голове. Он немного горбился вероятно деформация позвоночника в верхней части. Бонд внезапно вспомнил. Это же Петр Малиновский, в штате посольства он значился как "сельскохозяйственный атташе". Так-то.

Выйдя наружу, человек быстро зашагал в сторону Кондуит-стрит. Джеймс Бонд не спеша сел в такси, мотор которого работал, а флажок "свободен" опущен. Он сказал шоферу:

- Это он. Можешь расслабиться.

- Да, сэр, - ответил шофер из МИ-5, отчаливая от тротуара.

Человек подобрал такси на Бонд-стрит. Преследовать его в вечернем перемешанном потоке было несложно. Бонд был еще больше доволен, когда такси русского дипломата повернуло к северу от парка и направилось вдоль улицы Бейсуотер. Вопрос заключался в том, повернет ли он в специальный проезд в Кенсингтон Пэлис Гарднес, где первым слева было массивное здание Советского посольства. Если повернет, то последний гвоздь будет забит во все это дело. Два наружных полицейских, обычная охрана посольства, были специально подобраны на этот вечер. Их роль заключалась в том, чтобы подтвердить, что пассажир переднего такси вошел в Советское посольство.

А затем с помощью свидетельства от секретной службы и свидетельства Бонда, и фотографа из МИ-5 (этого будет достаточно для Министерства иностранных дел) можно будет объявить товарища Петра Малиновского персоной нон грата по обвинению в шпионаже и выдворить его из страны. В этой темной шахматной игре, которой является секретная служба, русские потеряют ферзя. И посещение аукциона можно будет считать чрезвычайно удачным.

Переднее такси все-таки повернуло к большим железным воротам.
Бонд улыбнулся с чувством мрачного удовлетворения. Он склонился вперед:
- Спасибо, водитель. Пожалуйста, в штаб.